

Се Хуань в юности отправился в Хаоцзин Северной Чжоу для учёбы, обучаясь в Государственном училище, где вместе с Цзян Цзинсином они были самыми беспокойными и заметными фигурами того времени.

Они, естественно, познакомились, и в прошлом у них были приключения, когда они вместе сбежали из училища, чтобы прогуляться по кварталу Пинкан. После рождения Се Жунхуа Цзян Цзинсин стал относиться к ней с особым вниманием, постоянно утверждая, что относится к ней как к своей родной племяннице.

Слова, сказанные в юности без оглядки на последствия, доставили Цзян Цзинсину немало хлопот.

Се Жунхуа в детстве была настоящим маленьким дьяволёнком, но её нельзя было ни бить, ни ругать. Когда она наконец выросла, Цзян Цзинсин, забыв о старшинстве и приличиях, решил отомстить за все те страдания, которые пережил в прошлые годы.

Се Жунхуа, обладая бунтарским характером, а Цзян Цзинсин, будучи старшим, но не уважающим условностей, продолжали спорить до сих пор.

Даже во время рассказов он не забывал приукрашивать образ Се Жунхуа, изображая её как крупную, черноволосую и мускулистую женщину с непривлекательной внешностью.

К счастью, Се Жунцзяо и Се Жунхуа были очень близки, и он, конечно, не любил, когда о ней говорили в таком ключе.

В мире, где деньги решают всё, с того момента, как Се Жунцзяо стал учеником, Цзян Цзинсин редко распространял ложные слухи о внешности Се Жунхуа.

Учитель на кафедре громко ударил линейкой, звук был подобен весеннему грому.

Двое учеников на передних рядах тут же повернулись назад, делая вид, что ничего не произошло, и погрузились в урок.

Учитель прочистил горло:

— С тех пор, как Феникс своей жизнью сдерживал Мутную ци, барьеры, возведённые Четырьмя Духами вокруг Девяти Областей, стали совершенными. Мутная ци была ограничена, и демонические культиваторы утихли. Девять Областей не имели деления на север и юг, и бесчисленные кланы и семьи появились, как бамбук после дождя.

Хотя границы никогда не ослаблялись, люди Девяти Областей давно наслаждались мирной жизнью. Не думали, что двести лет назад Северная Пустошь столкнётся с небывалыми холодами. Демонические культиваторы с низким уровнем совершенствования массово гибли от холода, и единственным выходом для них был путь на юг.

Тот поход на юг, нарушивший порядок, был кошмаром, который заставлял старшее поколение просыпаться в холодном поту посреди ночи. Историки писали, что это был ад на земле, где «невозможно было писать, видя слова, не проливая слёз».

— Армия Северной Пустоши, борясь за выживание, была едина и полна смелости. В то время как Девять Областей погрязли в мирной жизни, кланы оставались отстранёнными от мирских дел, а семьи были заняты своими интересами. Как они могли сражаться? Север, оказавшийся на передовой, был опустошён, девять из десяти домов были уничтожены, и не осталось ни

одного клочка земли, не залитого кровью. Трупы в городах лежали так плотно, что их некуда было складывать, и они горели десять дней и ночей, но так и не сгорели до конца. Северная Пустошь не стала тратить время на поиски в подвалах и тайных ходах, и даже если кто-то остался в живых, но не смог бежать из города, он наверняка задохнулся от дыма.

Учитель произносил каждое слово с особой чёткостью, его голос становился всё более гневным.

Ученики наконец перестали обсуждать, что съесть на обед: жареную свинину с западного рынка или тушёную говядину.

Один из учеников едва слышно пробормотал:

— Это так тяжело слушать, поэтому я всегда боюсь, когда учитель начинает говорить об этом.

Его сосед по парте похлопал его по плечу, понимающе сказав:

— Слезы предков не должны быть забыты. Академия всегда организовывала учеников для службы в армии, и после окончания учёбы мы тоже можем отправиться на поле боя.

— Bravo, Ли-сюн, хорошие слова.

— Не за что, не за что. Но, как говорится, сытый человек лучше дерётся.

Ученик согласился:

— По-твоему, Ли-сюн, на обед лучше взять лёгкий рыбный суп из заведения Цуй на западном рынке или жирное мясо с соусом из соседней лавки?

— Может, выбрать что-то среднее и попробовать запеченную курицу из нового места, которое получило хорошие отзывы?

Пока ученики обсуждали, как бы съесть курицу, учитель перешёл к основанию Северной Чжоу:

— В той войне, когда Северная Пустошь двинулась на юг, тысячи семей бежали в Южный регион. Пока не появился Тай-цзу Северной Чжоу, положивший конец этому нашествию, которое длилось десятилетия.

Однако северные земли к тому времени были опустошены, и Тай-цзу, следуя примеру древних времён, когда духовная энергия ещё не наполняла мир, основал государство, разделив Девять Областей на Северную Чжоу и Южный регион, что и породило разделение на север и юг.

Се Жунцзяо не въехал в город Буцзэ, остановившись в гостинице в соседнем Янчэне. Хозяйка гостиницы, узнав, что они направляются в Буцзэ, из добрых побуждений предупредила их:

— Господин, послушайте меня, если в Буцзэ вы встретите студентов академии, не говорите с ними ни о чём, кроме еды.

Она тут же покачала головой, опровергая себя:

— Лучше вообще не говорить с ними о еде, просто поменьше разговаривайте.

Се Жунцзяо недоумевал:

— Пожалуйста, объясните, госпожа.

Хозяйка улыбнулась:

— Это звучит абсурдно, и вы, скорее всего, не поверите, но когда окажетесь в Буцзэ, ваши сомнения, вероятно, разрешатся сами собой.

В этот момент Се Жунцзяо искренне благодарил добрую и мудрую хозяйку.

На кафедре учитель с жаром рассказывал о том, как конница Северной Пустоши достигла первого южного барьера — Академии Буцзэ. От ректора до поварихи никто не сбежал, а студенты, уехавшие домой, услышав новости, спешно вернулись с вещами, чтобы встретить смерть.

Магическая формация, связывающая всю академию и город, была срочно отремонтирована, и, наконец, прежде чем здания академии, использованные для починки городских стен, были полностью разрушены, на помощь пришли силы Южного региона.

Внизу ученики уже всю спорили.

И не об одном и том же.

Они перешли от обсуждения того, правильно ли Тай-цзу основал Северную Чжоу, к плюсам и минусам этого решения для северных земель, затем к вопросу о том, хорошо ли, что в Южном регионе нет единой централизованной власти, и, наконец, к анализу того, является ли сложившаяся ситуация в Южном регионе благом или проклятием.

Казалось, они не слушали, но на самом деле они слушали, одновременно следя за ходом рассказа учителя. Некоторые студенты спорили до хрипоты о стратегиях ректора по защите города и методах починки магической формации.

Класс напоминал лес, полный птиц, где каждый вид кричал по-своему, без общего ритма, и каждый вид дрался и кричал с себе подобными, создавая такой шум, что у Се Жунцзяо заболели уши, а ветви ивы за окном дрожали от их голосов.

Он искренне восхищался учителем, чей голос уверенно перекрывал шум в классе, а лицо покраснело от напряжения.

Цзян Цзинсин пожалел, что не закрыл слух с самого начала:

— Я слышал о славе Академии Буцзэ ещё в Хаоцзине, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Двое учеников на передних рядах, привыкшие к громким сценам, оставались спокойными и непоколебимыми.

— Господа Гао и Цзян, позвольте мне сказать. Вы только что поступили и не знаете правил этого курса по истории совершенствования. Сегодняшний урок посвящён истории академии, а на следующем уроке будет контрольная. Если вы напишете её, это не добавит баллов к итоговой оценке, но если не напишете, то сразу получите неуд. Учитель говорит, что это вопрос отношения, и тут ничего не поделаешь.

Двое учеников на передних рядах явно имели непростые отношения с этим предметом, и

второй ученик, ранее поддерживавший их, обернулся, его глаза полны усталости:

— Внешний мир говорит, что студенты академии любят Академию Буцзэ и могут без труда пересказать её тысячелетнюю историю...

Они обнялись, слёзы на глазах, и выкрикнули то, что думали все присутствующие:

— Нас заставили! Что мы могли сделать?!

Цзян Цзинсин спросил:

— Значит, история академии, которую рассказывают на этом уроке, действительно будет на контрольной?

Ученики со всех сторон кивнули.

Се Жунцзяо сказал:

— Не смотри на меня, я не слушал.

Цзян Цзинсин в третий раз смиренно спросил:

— Можно ли списать?

— Нельзя.

— Так строго?

— Именно так.

Гнев учителя на кафедре рос с каждым мгновением, ученики замолчали, как мыши, а Се Жунцзяо с сожалением закрыл глаза.

Цзян Цзинсин совсем не осознавал, что смерть уже открыла перед ним свои острые зубы, и продолжил:

— Это как-то несправедливо.

Учитель громко ударил линейкой по столу, вспугнув стаю птиц на ветке за окном, которые с криком улетели:

— Именно так, несправедливо.

— Как же это нелогично, — Цзян Цзинсин вздохнул, но вдруг осознал, что что-то не так.

Подняв голову, он увидел, что учитель стоит на кафедре с линейкой в руке, его поза напоминала мясника, готовящегося забить скот.

Эту сцену можно было описать одним словом — смертоносная.

Прежде чем он успел понять, что произошло за эти несколько секунд — то ли демонические культиваторы вошли в город, то ли император Северной Чжоу скончался, — Се Жунцзяо тихо прошептал ему на ухо:

— Тот, с кем ты только что разговаривал, был учитель.

Его голос был тихим, но для Цзян Цзинсина он звучал как ураган, бьющий о берег.

Цзян Цзинсин спокойно спросил:

— С какого момента?

— С того, как ты спросил, можно ли списать.

Гнев учителя окончательно вырвался наружу, и линейка с треском сломалась пополам:

— Вы опоздали, а с самого начала урока вы перешёптывались, как будто меня здесь нет?!

Ученики внизу замерли.

Однако их любопытство, как тлеющие угли, вскоре снова разгорелось.

— Сколько линеек учитель уже сломал?

— Не считал, но не меньше пятнадцати-шестнадцати.

<http://bllate.org/book/16198/1453457>